

К.А. Бакишев

Карагандинский университет Казпотребсоюза, Казахстан, г. Караганда
*e-mail: bakishev@yahoo.com

ПРИЧИНЕНИЕ СМЕРТИ ПО НЕОСТОРОЖНОСТИ (СТ. 104 УК РК): ЮРИДИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

В статье проводится анализ состава, предусмотренного ст. 104 УК РК. Автор констатирует неснижаемое количество этого вида уголовного правонарушения в республике в течение продолжительного времени, что обуславливает его уголовно-правовую и криминологическую значимость. Анализ показал, что следственная и судебная практика все ещё испытывает серьёзные затруднения при квалификации этого деяния, особенно по субъективным признакам. Во многом так происходит из-за нечёткой позиции Верховного суда РК относительно разграничения ряда уголовных правонарушений, посягающих на жизнь и здоровье личности, в том числе причинения смерти по неосторожности. В этой связи автор предлагает: а) дополнения в п. 27 и п. 30 высшего судебного акта, принятого 11 мая 2007 года; б) включить в ст. 104 УК РК, а также в ст. 114 УК РК (Неосторожное причинение вреда здоровью) специальный состав, предусматривающий ответственность лица за ненадлежащее исполнение своих профессиональных обязанностей, повлекшее причинение смерти или вреда здоровью потерпевшего. Научная и практическая значимость статьи: обеспечение правильной юридической оценки уголовного правонарушения, совершенствование отечественного уголовного закона и практики применения ст. 104 УК РК.

Ключевые слова: причинение смерти, неосторожность, уголовное правонарушение, квалификация деяния, отграничение.

К.А. Bakishev

Karaganda University of Kazpotrebsoyuz, Kazakhstan, Karaganda
e-mail: bakishev@yahoo.com

Causing death by negligence (art. 104 of the criminal code): legal analysis

The paper provides a legal analysis of the composition of causing death by negligence (Art. 104 of the Criminal Code). The author states the incalculable amount of this criminal offence for a long time in the republic, which determines its criminal-legal and criminological significance. The analysis showed that the investigative and judicial practice is still experiencing serious difficulties in qualifying this act, especially on subjective grounds. This is largely due to the unclear position of the Supreme Court of the Republic of Kazakhstan regarding the differentiation of certain crimes against human life and health, including causing death by negligence. This is largely due to the unclear position of the Supreme Court of the Republic of Kazakhstan regarding the differentiation of certain crimes against the life and health of a person, including causing death by negligence. In this regard, the author suggests: a) author's additions to Paragraph 27 and Paragraph 30 of the supreme judicial act of May 11, 2007; b) include in Art. 104 and Art. 114 of the Criminal Code a special composition providing for the responsibility of a person for improper performance of their professional duties, resulting in death or harm to the health of the victim. The scientific and practical significance of the article: ensuring the correct legal assessment of a criminal offence, improving the domestic criminal law and the practice of applying Art. 104 of the Criminal Code.

Key words: causing death, negligence, criminal law violation, qualification of the act, delineation.

Қ.Ә. Бәкішев

Қазтұтынуодағы Қарағанды университеті, Қазақстан, Қарағанды қ.
e-mail: bakishev@yahoo.com

Абайсызда өлім келтіру (ҚР ҚК 104-бабы): заңдық талдау

Мақалада ҚР ҚК 104-бабында көзделген абайсызда өлім-жітім құрамына заңдық талдау жүргізіледі. Автор республикада ұзақ уақыт бойы осы қылмыстық құқық бұзушылықтың сансыз санын зерттей келе, абайсызда өлім келтіру бойынша қылмыстық-құқықтық және криминологиялық маңыздылығын анықтап тұжырымдама береді. Талдау нәтижесі көрсеткендей, тергеу және сот практикасы бұл әрекетті, әсіресе субъективті негізде саралауда әлі де үлкен

көптеген қиындықтарға тап болады. Бұл көбінесе ҚР Жоғарғы Сотының адамның өмірі мен денсаулығына қарсы кейбір қылмыстарды, соның ішінде абайсызда өлім-жітімді ажыратуға қатысты анық емес ұстанымына байланысты. Осыған байланысты автор мыналарды ұсынады: а) 2007 жылғы 11 мамырдағы Жоғары Сот актісінің 27-тармағы мен 30-тармағындағы авторлық толықтырулар; б) ҚР ҚК 104-бабына, сондай-ақ ҚР ҚК 114-бабына (Денсаулыққа абайсызда зиян келтіру) жәбірленушінің өліміне не денсаулығына зиян келтіруге әкеп соққан адамның өзінің кәсіби міндеттерін тиісінше орындамағаны үшін жауаптылығын көздейтін арнайы құрам енгізілсін. Мақаланың ғылыми және практикалық маңыздылығы: қылмыстық құқық бұзушылықты дұрыс құқықтық бағалауды қамтамасыз ету, отандық қылмыстық заңды және ҚР ҚК 104-бабын қолдану практикасын жетілдіру.

Түйін сөздер: өлім, абайсыздық, қылмыстық құқық-бұзушылық, әрекеттің біліктілігі, шектеу.

Введение

В классификации неосторожной преступности причинение смерти по неосторожности относится к деяниям, совершаемым в сфере быта. Занимая всего 3-4 % в общей структуре неосторожных уголовных правонарушений, оно характеризуется довольно внушительными цифрами, свидетельствующими о масштабах причиняемого вреда личности и степени его общественной опасности. Так, в 2017 г. в Казахстане было зарегистрировано 58 таких деяний, в 2018 г. – 54, в 2019 г. – 72, в 2020 г. – 62, в 2021 г. – 60, в 2022 г. – 59. Криминологическую значимость деликта, предусмотренного ст. 104 УК РК, обосновывает и тот известный факт, что до появления в уголовном законе статей об ответственности за правонарушения в области использования техники он составлял неосторожную преступность, по нему же разрабатывались критерии криминализации неосторожных уголовных деяний.

Проблема уголовной ответственности и назначения наказания за анализируемое деяние была и остается предметом пристального внимания многих ученых-правоведов – Н.А. Бабия, П.С. Дагеля, А.И. Рарога, В.А. Нерсисяна, М.Д. Шаргородского, И.М. Тяжковой и других. Причина заключается в неразрешенных пока теоретических спорах, связанных с основаниями ответственности субъектов за это уголовное правонарушение, и некоторые другие смежные составы преступлений, что, как показывает анализ, негативно отражается на правоприменительной практике. Трудности, которые по сей день испытывают следственные органы и суды, в основном, связаны с разграничением ст. 104 УК РК и ч. 3 ст. 106 УК РК (Умышленное причинение вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего), и невиновного причинения вреда (ст. 23 УК РК). В этой связи Верховный суд РК был вынужден давать специальные разъяснения в своем нормативном

постановлении от 11 мая 2007 г. «О квалификации некоторых преступлений против жизни и здоровья человека». Однако ошибки в деятельности органов следствия и судов при рассмотрении уголовных дел этой категории продолжают допускаться.

Цель исследования. Разработать предложения по совершенствованию ст. 104 УК РК и практики ее применения.

Задачи исследования. Для достижения цели исследования: а) анализировать объективные и субъективные признаки деяния, предусмотренного ст. 104 УК РК; б) изучить судебную практику по делам этой категории. В процессе исследования использовались следующие методы: наблюдение, анализ, формально-юридический, сравнительно-правовой, логический, статистический, аналогия.

Обсуждение

Уголовное правонарушение в ст. 104 УК РК определяется как *причинение смерти по неосторожности*. Этим ныне действующий уголовный закон, в отличие от УК КазССР 1959 г., отвергает понятие «убийство по неосторожности». Такой подход законодателя к оценке случаев лишения жизни потерпевшего следует признать правильным. Во-первых, он имеет историческое обоснование. Еще в «Жеті жарғы» (Семь канонов) использовались термины «әдейі қастандықпен жасау» (совершенные преднамеренно), «абайсызда жасау» (совершенные неосторожно) (Омары 2000: 257). В российском Уложении о наказаниях уголовных и исполнительных 1845 г., а затем Уголовном уложении 1903 г., действовавших также в Казахстане и Средней Азии, упоминаются «смертоубийство», «убийство» и «неосторожное причинение смерти» (Российское законодательство X-XX веков). Во-вторых, слова «убийца», «убийство» в общественном сознании всегда ассоциируются с лишением жиз-

ни умышленно. Прав был М.Д. Шаргородский, который убийством считал только умышленное причинение смерти и не относил к нему лишение жизни по неосторожности (Шаргородский 1948: 194). Кроме того, позиция национального законодателя разделяется большинством стран СНГ, Польши, Латвии, Болгарии.

В доктрине уголовного права непосредственным объектом уголовного правонарушения, предусмотренного ст. 104 УК РК, признается жизнь человека¹. Потерпевшим может быть любое лицо, которому по неосторожности причиняется смерть. Объективная сторона деяния проявляется в нарушении виновным общепринятых норм предосторожности либо закона, специальных правил безопасности, инструкций в сфере быта, досуга, производства (например, правил поведения на воде, правил эксплуатации источников повышенной опасности и т. п.). Это уголовное правонарушение чаще всего совершается путем активного действия, значительно реже путем бездействия. По данным судебной практики, причиной смерти потерпевшего в большинстве случаев является травма, полученная в результате толчка, удара рукой или ногой, поражения электрическим током, падения с высоты (нередко с высоты собственного тела). Реже от неосторожного обращения с оружием, взрывчатыми, ядовитыми и другими веществами, общепасными предметами и т. д.

Состав уголовного правонарушения материальный и признается оконченным в момент причинения действием (бездействием) смерти человеку (ч. 1 ст. 104 УК РК) либо причинения смерти двум или более лицам (ч. 2 ст. 104 УК РК). Для определения причины смерти потерпевшего назначается судебно-медицинская экспертиза, которая производится согласно Закону РК «О судебно-экспертной деятельности» от 10 февраля 2017 г. и Правилам организации и производства судебных экспертиз и исследований в органах судебной экспертизы от 27 апреля 2017 г.

¹ Некоторые авторы (Н.А. Бабий) считают это упрощением и непосредственным объектом деяния называют общественные отношения, содержанием которых является определенный порядок поведения, обеспечивающий безопасные условия жизни другого человека. Однако такой вывод противоречит смыслу ст. 104 УК РК, направленной на охрану жизни личности, а не определенного порядка поведения человека. (См.: Бабий Н.А. Квалификация причинения смерти по неосторожности // Право и демократия: Сб. науч. тр. Вып. 22. – Минск: БГУ, 2011. – С. 2).

Наличие причинной связи между действием (бездействием) и смертью потерпевшего – необходимое и обязательное условие уголовной ответственности лица. Отсутствие такой связи исключает уголовную ответственность по ст. 104 УК РК.

Как видно из названия ст. 104 УК РК, уголовное правонарушение совершается только по неосторожности, в виде самонадеянности либо небрежности. Самонадеянность характеризуется предвидением субъекта возможности наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействия), при этом он без достаточных к тому оснований легкомысленно рассчитывает на предотвращение этих последствий (ч. 2 ст. 21 УК РК). Уголовный закон, как видно, ничего не говорит о характере отношения субъекта к самому действию (бездействию). Поэтому одни авторы (В.А. Нерсисян) полагают, что лицо в таких случаях сознает, что его действия могут причинить вред другим людям, иначе он не может предвидеть наступление вредных последствий (Нерсисян 2002: 84]. Другие авторы (П.С. Дагель) напротив, отрицают возможность такого сознания, говоря, что именно его наличие и отсутствие есть грань между областью умышленного и неосторожного (Дагель 1977: 122). Однако еще известный психолог С.Л. Рубинштейн подчеркивал, что об осознании лицом своих действий можно говорить лишь тогда, когда оно предвидит их последствия (Рубинштейн 2000: 16). К такому же выводу приходят и ученые – правоведа (Рарог 2002: 112). Поэтому субъект причинения смерти по самонадеянности, когда предвидит наступление общественно-опасных последствий, *всегда* сознает или понимает общественную опасность своего деяния. В противном случае вряд ли он сможет без понимания опасности своих действий предвидеть смерть потерпевшего. Подтверждением тому является сложившаяся судебная практика, которая вину в виде самонадеянности признает более общественно опасной, чем вину в виде небрежности, и потому наказывает строже, так как это свидетельствует о гораздо большей социальной испорченности личности. Осознание лицом факта, что его действия (бездействие), могут причинить смерть человеку, является *первым интеллектуальным моментом* самонадеянности, который, по сути, не имеет качественных признаков, позволяющих отличать его от косвенного умысла.

Второй интеллектуальный момент самонадеянности, как отмечается в доктрине

уголовного права, «заключается в предвидении виновным возможности наступления общественно опасных последствий. Предвидеть – значит заранее учитывать, предполагать возможность появления, наступления чего-нибудь» (Ожегов 1997: 513). Данный признак сближает самонадеянность с законодательной формулировкой косвенного умысла, что вызывает в судебной практике серьезные трудности. Так, Конев с друзьями остановил Алиева и беспричинно нанес ему удар ногой, отчего последний упал, затем 2-3 раза пнул по голове. Далее он стал избивать Малкина, который пытался помочь Алиеву подняться. Через несколько дней Алиев скончался в больнице. Согласно заключению судебно-медицинской экспертизы, смерть потерпевшего наступила от травмы, полученной в результате падения с высоты собственного роста с ударом левой теменной областью головы об асфальт. Нанесение последующих ударов в голову усугубило характер уже полученной при падении черепно-мозговой травмы. Темиртауский городской суд Карагандинской области квалифицировал действия Конева как причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего, и приговорил его к 8 годам лишения свободы. Судебная коллегия по уголовным делам Карагандинского областного суда, напротив, переквалифицировала действия Конева на ч. 1 ст. 104 УК РК. По ее мнению, подсудимый не имел умысла причинить тяжкий вред здоровью Алиева, повлекший его смерть. Но это судебное решение опротестовал Генеральный прокурор РК, указав на неправильное применение закона и несоответствие выводов суда фактическим обстоятельствам дела. Судебная коллегия Верховного суда РК, тщательно изучив обстоятельства дела, удовлетворила протест, указав следующее: Конев, нанося неоднократные удары ногами по голове лежащего Алиева, осознавал опасный характер своих действий, предвидел последствия в виде тяжкого вреда здоровью, повлекшие смерть, и безразлично относился к этому. На косвенный умысел указывают также нанесение ударов Малкину, который пытался оказать помощь Алиеву. Суд апелляционной инстанции не принял во внимание все эти фактические данные и неправильно квалифицировал действия Конева (Бюллетень Верховного суда РК 2018: 68-70).

Такой разницей в квалификации действий виновных в следственной и судебной практике, к сожалению, далеко не единичен и, как представляется, в немалой степени обуслов-

лен также нечеткой позицией Верховного суда РК. Так, он указал в своем нормативном постановлении от 11 мая 2007 года «О квалификации некоторых преступлений против жизни и здоровья человека», что убийство с косвенным умыслом от неосторожного причинения смерти в виде преступной самонадеянности отличается тем, что при преступной самонадеянности виновный лишь предвидит возможность наступления смерти и легкомысленно рассчитывает на ее предотвращение, а при косвенном умысле он предвидит не только возможность, но и *вероятность* наступления смерти, хотя и не желает, но сознательно допускает ее наступление либо относится к такому последствию своих действий безразлично, не принимая при этом никаких мер к предотвращению смерти потерпевшего (п. 27). Согласно Большому толковому словарю русского языка, «вероятность» — это объективная возможность осуществления чего-либо, степень осуществимости (Большой толковый словарь русского языка 1998). Сказанное означает, что «вероятность» обозначает только степень возможности возникновения некоторого события, т. е. это мера самой возможности. Поэтому вряд ли данное Верховным судом РК разъяснение характера предвидения в косвенном умысле позволяет нижестоящим судам без труда отличать его от самонадеянности. Кроме того, используя не предусмотренный в формуле косвенного умысла интеллектуальный признак «вероятность», высший судебный орган РК допустил расширительное толкование закона, что неправомерно и не способствует единообразному применению уголовного закона. Правильно поступил ответственный законодатель, говоря в ч. 3 ст. 20 УК РК о предвидении только *возможности* общественно опасных последствий.

В чем же принципиальная разница самонадеянности от косвенного умысла по второму интеллектуальному признаку? По нашему мнению, правильным является утверждение большинства ученых-правоведов, согласно которому косвенный умысел характеризуется предвидением реальной возможности наступления вредных последствий, то при преступном легкомыслии (самонадеянности) есть предвидение возможности наступления общественно опасных последствий, однако лишь в абстрактной, отвлеченной форме. Предвидение абстрактной возможности наступления последствий органически сочетается с расчетом на их предотвращение или недопущение (Нерсесян 2002: 89), (Тяжкова 2002: 22). Так, из вышеприведенного уголовного дела вид-

но, что Конев, нанося неоднократные удары по голове лежащего Алиева, предвидел реальную возможность причинения тяжкого вреда здоровью, в результате повлекшего его смерть. С учетом данного доктринального положения и сложившейся судебной практики, в п. 27 нормативного акта Верховного суда РК целесообразно внести уточнение о том, что субъект косвенного умысла предвидит *реальную* возможность наступления смерти, а субъект самонадеянности – *абстрактную* возможность наступления такого последствия, которую он исключает в данной конкретной ситуации.

Мы разделяем вывод А.И. Рарога, что главное отличие самонадеянности от косвенного умысла заключается в содержании *волевого момента*. «Если при косвенном умысле виновный сознательно допускает наступление общественно опасных последствий, т. е. одобрительное относится к ним, то у субъекта преступной самонадеянности отсутствует не только желание, но и сознательное допущение этих последствий. При этом он стремится не допустить их наступления, относится к ним отрицательно, рассчитывая при этом на реальные обстоятельства, которые, по его мнению, могут помешать наступлению вредных последствий», – пишет автор (Рарог 2002: 114). Однако расчет оказывается ошибочным из-за несерьезного подхода к их оценке, на что указывает формулировка «без достаточных к тому оснований» в ч. 2 ст. 21 УК РК. При косвенном же умысле надежда лица на «авось» не подкрепляется какими-либо конкретными обстоятельствами. Хрестоматийным в этом отношении примером является дело Кормильцева. Как установил суд, подсудимый предложил своему другу Назарову проверить мужество и встать лицом к стене под выстрел выше его головы. Назаров согласился. Кормильцев выстрелил с расстояния 7,5 метров и ранил Назарова в голову, отчего последний скончался (Сборник постановлений 1981: 160–161). Как видно из дела, подсудимый абстрактно предвидел возможное причинение тяжких последствий, но легкомысленно, без достаточных к тому оснований, понадеялся на свои навыки стрельбы, которые, по его расчету, предотвратят эти последствия. О том, что он не допускал смерть Назарова, свидетельствуют также его дружеское отношение с потерпевшим и посткриминальное поведение (вызвал скорую помощь).

Анализ также показал, что при определении субъективной стороны деяния суды, в основном, руководствуются указанием Верховного суда

РК исследовать «характер взаимоотношений виновного с потерпевшим, способ совершения и орудие уголовного правонарушения, количество, характер и локализацию ранений и иных телесных повреждений, причину прекращения противоправных действий субъектом уголовного правонарушения и т. п., а также его поведение до и после совершения уголовного правонарушения» (п. 30). Считаем, что именно строгое выполнение этого нормативного положения позволило суду избежать ошибок при рассмотрении резонансного уголовного дела по обвинению Василенко. Как установил суд, подсудимый в ходе возникшей ссоры ударил кулаком по лицу активиста Гарницкого, отчего последний упал и ударился головой об асфальт. От полученной черепно-мозговой травмы активист скончался в больнице. Действия Василенко органы следствия квалифицировали по ч. 3 ст. 106 УК РК. Однако суд Казыбекбийского района г. Караганды переквалифицировал деяние на ч. 1 ст. 104 УК РК. Как указано в приговоре, повреждение, возникшее в результате удара кулаком в лицо потерпевшего, не относится к тяжкому вреду здоровья. После нанесения удара и последовавшего за ним падения потерпевшего на землю, Василенко какое-либо насилие к нему более не применял. Следовательно, ни предшествующее преступлению, ни последующее поведение Василенко, ни количество нанесенных ударов не свидетельствуют об умысле причинить тяжкий вред здоровью Гарницкого, повлекшего его смерть. Подсудимый также ездил в больницу узнать его самочувствие, что указывало на отрицательное отношение виновного к возможным вредным последствиям. В итоге Василенко был осужден к 1 году и 6 месяцев лишения свободы (Архив суда Казыбекбийского суда 2022).

Анализ показал, что причинение смерти по самонадеянности встречается судебной практике значительно реже, чем по небрежности. Согласно ч. 3 ст. 21 УК РК, уголовное правонарушение признается совершенным по небрежности, если лицо не предвидело возможности наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействия), хотя при должной внимательности и предусмотрительности должно было и могло предвидеть эти последствия. Как видно, у лица отсутствует предвидение наступления вредных последствий совершаемого деяния, а значит, и осознание его общественной опасности. Уголовный закон признает этот вид неосторожной вины неизвинительным потому, что «...лицо, имея реальную возможность

предвидеть наступление общественно опасных последствий своего деяния, не проявляет необходимой внимательности и предусмотрительности, чтобы совершить необходимые волевые действия для предотвращения указанных последствий» (Рарог 2002: 117).

Задача установления небрежности объективно более трудна. Сказанное иллюстрирует уголовное дело Салтовского. Суд установил, что он, находясь на дежурстве в воинской части, увидел старшину Вильгельма, который в состоянии алкогольного опьянения угрожал ножом солдату. Салтовский потребовал от Вильгельма покинуть территорию части, однако последний в ответ замахнулся на него ножом. Тогда Салтовский палкой стал наносить удары по рукам и ногам Вильгельма, обратив его в бегство. Вдогонку Салтовский нанес еще три удара палкой по спине убегающего. Споткнувшись, Вильгельм упал и ударился головой об камень. От тяжелой черепно-мозговой травмы он на следующий день скончался. Суд первой инстанции признал Салтовского виновным в совершении деяния, предусмотренном ч. 3 ст. 106 УК РК. Но Верховный суд РК с такой квалификацией не согласился и указал следующее: локализация ударов не дает оснований считать, что Салтовский специально наносил их с намерением сбить Вильгельма с ног. Кроме того, виновный не предвидел такое развитие событий, которые привели к смерти потерпевшего. Однако, нанося удар, *должен был и мог* предвидеть возможность падения Вильгельма и наступления тяжких последствий. На этом основании Салтовский был осужден за причинение смерти по неосторожности (Вестник Верховного суда РК 1996: 45).

Нормативная формула «должен был и мог» раскрывается судом посредством исследования *интеллектуального и волевого* признаков этого вида неосторожной вины². Отсутствие предвидения возможного (даже абстрактно) причинения вреда, а значит, сознания общественной опасности совершаемого деяния, характеризуют интеллектуальный признак небрежности. На волевой признак небрежности указывают слова «при должной внимательности и предусмотрительности», придающие небрежности уголовно-правовое значение. Он традиционно раскрывает-

² Некоторые криминалисты указывают, что небрежность характеризуется отрицательным и положительным признаками. См.: Рарог А.И. Квалификация преступлений по субъективным признакам. – СПб.: Юрид. пресс, 2002. С. 118.

ся посредством объективного (обязанность лица предвидеть) и субъективного (возможность лица предвидеть) критериев.

Особенность объективного критерия небрежности, по общему правилу, заключается в его нормативности, которая указывает на обязанность предвидеть общественно опасные последствия деяния. Эта обязанность определяется конкретным законом, должностными или профессиональными функциями, а также общеобязательными правилами предосторожности. Отсутствие такой обязанности исключает вину лица за фактически причиненный вред (Тяжкова 2002: 29). Суды должны установить также, что лицо было осведомлено о последствиях за нарушение нормативно-правовых актов или общеобязательных правил предосторожности. Наличие возможности лица предвидеть (субъективный критерий) устанавливается судом путем исследования профессионального и жизненного опыта субъекта, интеллектуальных и волевых качеств, состояния здоровья и т. д. (Рарог 2002: 121). Субъективный критерий должен устанавливаться наряду с объективным. Отсутствие одного из критериев небрежности исключает неосторожную вину лица, что может указывать на умышленную форму вины либо невиновное причинение вреда. Данное обстоятельство подчеркивает важность и значимость их установления для квалификации деяния по ст. 104 УК РК.

Однако изучение архивных уголовных дел по ст. 104 УК РК показало, что суды республики практически не исследуют характер объективного и субъективного критериев, ограничиваясь, как правило, законодательной формулировкой ч. 3 ст. 21 УК РК³. Например, Верховный суд РК в приговоре по делу Салтовского не указал, в чем же конкретно заключалась обязанность и возможность подсудимого предвидеть смерть потерпевшего Вильгельма. Такая практика не основана на законе. Как правильно отмечают ученые-правоведы, «...необходимость конкретизации нарушения должного поведения заключается в том, что при отсутствии такого нарушения есть все основания для постановки вопроса об отсутствии вины причинителя смерти, т. е. о случайном ее причинении» (Бабий 2011: 4). Поэтому суды во избежание объективного вменения должны в приговоре достаточно полно описывать содержание объективного и субъек-

³ Анализируемые уголовные правонарушения были совершены, в основном, в сфере быта и досуга.

тивного признаков небрежности⁴. В этой связи Верховный суд РК в нормативном порядке должен обязать нижестоящие суды максимально раскрывать в приговорах характер объективного и субъективного критериев небрежности. К примеру, при описании объективного критерия в приговоре (постановлении) суды должны указать, какой конкретно пункт нормативно-правового акта был нарушен виновным, а также раскрыто содержание этого нарушения. Если же речь идет о нарушении общепринятых мер предосторожности, следует определить, какую норму должного поведения в конкретной сфере общества нарушил виновный, и указать, в чем выразилось это нарушение.

Тщательный анализ объективных и субъективных критериев небрежности позволяет отграничить ст. 104 УК РК от невинного причинения вреда (случая). Согласно ч. 2 ст. 23 УК РК, имеет место случай, когда субъект:

а) не осознавал и по обстоятельствам дела не мог осознавать общественной опасности своих действий (бездействия);

б) не предвидел возможности наступления общественно опасных последствий и по обстоятельствам дела не должен был или не мог их предвидеть.

Верховный суд РК считает невинным причинением вреда также случаи, когда лицо предвидело возможность наступления смерти потерпевшего и предприняло все необходимые, по его мнению, меры для предотвращения ее наступления, но она наступила по независящим от него причинам (п. 27). Мы считаем, что это нормативное положение не в полной мере отвечает запросам практики. Так, ч. 2 ст. 23 УК РК признает деяние также совершенным невинно, если лицо, предвидевшее при его совершении наступление общественно опасных последствий, рассчитывало на их предотвращение с достаточными на то основаниями либо не могло предотвратить эти последствия в силу несоответствия своих психофизиологических качеств требованиям экстремальных условий или нервно-психическим перегрузкам. Очевидно, что п. 27 Верховного суда нуждается в дополнительной редакции, чтобы он соответствовал ч. 2 ст. 23 УК РК.

⁴ В этой связи А.И. Рарог считает небрежность промежуточным звеном между самонадеянностью и невинным причинением вреда. См.: Рарог А.И. Квалификация преступлений по субъективным признакам. – СПб.: Юрид. пресс, 2002. – 304 с.С.123.

Субъектом неосторожного причинения смерти является любое физическое лицо, достигшее к моменту совершения деяния 16 лет. Как показал анализ, по этой статье УК РК отвечают также рядовые работники, в действиях которых усматриваются признаки нарушения правил охраны труда (ст. 156 УК РК), недобросовестного отношения к обязанностям (ст. 254 УК РК), ненадлежащего исполнения обязанностей по охране оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств (ст. 290 УК РК), нарушения требований пожарной безопасности (ст. 292 УК РК). Все дело в конструкции этих статей УК, которая предполагает только специальных субъектов. За рамками составов этих уголовных правонарушений остались токарь, шахтер, слесарь, оператор и т. д., которые, как правило, проходят специальную подготовку, они так же наделены соответствующими обязанностями и функциями, что значительно повышает их ответственность за невнимательные и неосмотрительные действия (бездействие).

Интересы совершенствования отечественного уголовного законодательства и правоприменительной практики диктуют необходимость устранения этого пробела. Здесь возможны два варианта решения. Первый – субъектом таких уголовных правонарушений признать любое физическое лицо. Так сконструированы, к примеру, ст. 277 УК РК (Нарушение безопасности при ведении горных или строительных работ), ст. 281 УК РК (Нарушение безопасности на взрывоопасных объектах), ст. 285 УК РК (Нарушение правил обращения с радиоактивными материалами, радиоактивными отходами, ядерными материалами или требований по обращению с патогенными биологическими агентами, вызывающими особо опасные инфекционные заболевания). Но такой вариант неизбежно приводит к загромождению УК специальными нормами, что можно увидеть на примере таких статей, как ненадлежащее выполнение профессиональных обязанностей медицинским работником (ст. 317 УК РК), неоказание медицинской помощи (ст. 320 УК РК), ненадлежащее исполнение обязанностей по обеспечению безопасности жизни и здоровья детей (ст. 141 УК РК). Поэтому более предпочтительный способ разрешения проблемы – установить ответственность таких лиц в ст. 104 УК, а также ст. 114 УК (Неосторожное причинение вреда здоровью). К примеру, редакция ч. 3 ст. 104 УК РК может выглядеть следующим образом:

«Причинение смерти по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей».

В пользу предлагаемого решения свидетельствуют УК России (ст. 109) и Кыргызской Республики (ст. 127), которые содержат такой квалифицированный состав.

Выводы и заключение

Вышесказанное позволяет прийти к следующим выводам:

- причинение смерти по неосторожности – достаточно распространенное уголовное правонарушение;

- трудности, с которыми сталкиваются органы следствия и суды, возникают при определении субъективной стороны анализируемого деяния, отграничении от других похожих уголовных правонарушений, но чаще всего от деяния в виде причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего (ч. 3 ст. 106 УК РК);

- исследование не обнаружило признаки, позволяющие первый и второй интеллектуальные моменты самонадеянности отличать от косвенного умысла. Деяние, предусмотренное ст. 104 УК РК, отличается от умышленных преступлений, посягающих на жизнь и здоровье личности,

главным образом, по содержанию волевого момента самонадеянности;

- для признания деяния, предусмотренного ст. 104 УК РК, совершенным по небрежности, требуется установление объективного и субъективного критериев. Это позволяет отличать деяние от умысла и невинного причинения вреда. Однако они судами республики практически не исследуются, поэтому в руководящем нормативном акте Верховного суда республики от 11 мая 2007 г. целесообразно закрепить положение, обязывающее суды раскрывать в приговоре содержание объективного и субъективного критериев небрежности;

- уголовное законодательство РК исключает из круга субъектов ряда уголовных правонарушений, предусмотренных ст. ст. 156, 254, 290, 292 УК РК, рядовых работников. Для устранения правового пробела предлагается дополнить ст. 104 и ст. 114 УК РК специальным квалифицированным составом, предусматривающим ответственность таких работников за действия, повлекшие смерть или причинение вреда здоровью потерпевшего.

Учет предлагаемых рекомендаций и решений позволит повысить качество отечественного законодательства и эффективность правоприменительной практики.

Литература

- Омари Ж. Каз дауысты Казыбек би: Жеті жарғы. – Астана: Фолиант, 2000. – 320 с.
- Российское законодательство X-XX веков: в девяти томах. Том 6: Законодательство первой половины XIX века. – М.: Юрид.лит., 1988. – 432 с.
- Шаргородский М.Д. Преступления против жизни и здоровья. – М., 1948. – 511 с.
- Нерсисян В.А. Ответственность за неосторожные преступления. – СПб: Юрид.пресс. 2002. – 223 с.
- Дагель П.С. Неосторожность. Уголовно-правовые и криминологические проблемы. – М., 1977. – 144 с.
- Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. — СПб., 2000. – 712 с.
- Рарог А.И. Квалификация преступлений по субъективным признакам. – СПб.: Юрид. пресс, 2002. – 304 с.
- Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка / Российская академия наук. Институт русского языка имени В.В. Виноградова. 4-е изд., доп. — М.: Азбуковник, 1997. — 944 с.
- Бюллетень Верховного суда РК. – 2018. – № 3. – С. 68-70.
- Большой толковый словарь русского языка. Первое издание. – СПб.: Норинт, 1998. – 1534 с.
- Тяжкова И.М. Неосторожные преступления с использованием источников повышенной опасности. – СПб: Юрид. пресс, 2002. – 278 с.
- Сборник постановлений Президиума и определений Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР (1974–1979). – М.: Юрид. лит., 1981. – 400 с.
- Архив суда Казыбекбийского суда г. Караганды за 2022 г. Уголовное дело по обвинению Василенко.
- Вестник Верховного суда РК. – 1996. – № 2. – С.45-46.
- Бабий Н.А. Квалификация причинения смерти по неосторожности // Право и демократия: Сб. науч. тр. Вып. 22. – Минск: БГУ, 2011. – 311 с.

References

- Omari Zh. Qaz dauysty Kazybek bi: Zheti zhargy [Kaz dauysty Kazybek bi: Zheti jargy] – Astana: Foliant, 2000. – 320 p.
- Rossijskoe zakonodatel'stvo X-XX vekov: v devjati tomah. Tom 6: Zakonodatel'stvo pervoj poloviny XIX veka [Russian legislation of the X-XX centuries: in nine volumes. Volume 6: Legislation of the first half of the XIX century]. – M.: Jurid.lit., 1988. – 432 p.
- Shargorodskij M.D. Prestuplenija protiv zhizni i zdorov'ja [Crimes against life and health]. – M., 1948. – 511 p.
- Nersesjan V.A. Otvetstvennost' za neostorozhnye prestuplenija [Responsibility for careless crimes]. – SPb: Jurid.press. 2002. – 223 p.
- Dagel' P.S. Neostorozhnost'. Ugolovno-pravovye i kriminologicheskie pro-blemy [Carelessness. Criminal law and criminological problems]. – M., 1977. – 144 p.
- Rubinshtejn S.L. Osnovy obshhej psihologii [Fundamentals of general psychology]. — SPb., 2000. – 712 p.
- Rarog A.I. Kvalifikacija prestuplenij po sub'ektivnym priznakam [Qualification of crimes on subjective grounds]. – SPb.: Jurid. press, 2002. – 304 p.
- Ozhegov S.I., Shvedova N.J. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka / Rossijskaja akademija nauk. Institut russkogo jazyka imeni V.V. Vinogradova. 4-e izd., dop. [Explanatory dictionary of the Russian language / Russian Academy of Sciences. The Vinogradov Institute of the Russian Language. 4th ed., supplement] — M.: Azbukovnik, 1997. — 944 p.
- Bjulleten' Verhovnogo suda RK [Bulletin of the Supreme Court of the Republic of Kazakhstan]. – 2018. – № 3. – P. 68-70.
- Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo jazyka. Pervoe izdanie [A large explanatory dictionary of the Russian language. First edition]. – SPb.: Norint, 1998. – 1534 c.
- Tjazhkova I.M. Neostorozhnye prestuplenija s ispol'zovaniem istochnikov po-vyshennoj opasnosti [Careless crimes using sources of increased danger]. – SPb: Jurid. press, 2002. – 278 p.
- Sbornik postanovlenij Prezidiuma i opredelenij Sudebnoj kollegii po ugolovnym delam Verhovnogo Suda RSFSR (1974–1979) [Collection of decisions of the Presidium and rulings of the Judicial Collegium on Criminal Cases of the Supreme Court of the RSFSR (1974-1979)]. – M.: Jurid. lit., 1981. – 400 p.
- Archive of the Kazybekbi court of Karaganda for 2022. The criminal case against Vasilenko [Archive of the Kazybekbi court of Karaganda for 2022 The criminal case against Vasilenko].
- Vestnik Verhovnogo suda RK [Bulletin of the Supreme Court of the Republic of Kazakhstan]. – 1996. – № 2. – P. 45-46.
- Babij N.A. Kvalifikacija prichinenija smerti po neostorozhnosti // Pravo i demokratija: Cb. nauch. tr. Vyp. 22 [Qualification of causing death by negligence // Law and Democracy: Sat. sci. tr. Vol. 22]. – Minsk: BGU, 2011. – 311 p.